

Игорь
Агейчев

Малютки
моих
надежд...

Игорь Агейчев

**Молитвами моих
надежд... (сборник)**

«У Никитских ворот»

2016

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Агейчев И.

Молитвами моих надежд... (сборник) / И. Агейчев — «У
Никитских ворот», 2016

ISBN 978-5-00095-269-6

«Седой садовник приуныл, Его душа мести устала. Ему и дом, и сад не мил,
Листвы – и той казалось мало...»

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-269-6

© Агейчев И., 2016
© У Никитских ворот, 2016

Содержание

[1]	15
[2]	18
[3]	25
[4]	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Игорь Агейчев

Молитвами моих надежд...

Тем, кого любил и люблю

© Агейчев И.С., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

* * *

Садовник

Седой садовник приуныл,
Его душа мести устала.
Ему и дом, и сад не мил,
Листвы – и той казалось мало.

Потёртый скинув балахон,
Садовник шёл среди дорожек,
Шёл так, как будто бы не он,
Не он, а кто-то помоложе.

Среди берёзок и листвы,
Что осень скинуть повелела,
Садовник был уже, увы,
Надломлен ей так неумело...

Хозяйка – чистая зима.
Белёсых улиц наважденье.
А в старых ставнях там – она,
Часами, словно привиденье.

Садовник чистою душой
Сводил себя с ума умело,
Теперь идёт он на покой,
Стать явью призрак не успела.

Пройдя сквозь ёлочек-нерях,
Старик вздохнул, словно прощаясь,
А где-то там, в затворных снах,
Она лежала, улыбаясь.

И, бережно прибрав мечты,
Укутав шею старым шарфом,
Садовник, крикнув вдруг: «Ишь ты», —
За изгородь зайдя, дал маху.

Он первый в жизни раз бежал,
И, ноги ставя неуклюже,
Он на бегу пообещал
Не видеть тех, кому он служит.

И в этот самый дУрный миг,
Поняв весь ужас отречения,
Дух смерти вдруг её настиг,
С улыбкой взял, без сожаленья...

Этюд перед закатом

Сорвав сюртук, погнув петлю,
Устало как-то улыбнувшись,
Он молвил: «Я до слёз люблю!»
И вышел вон, чуть приспоткнувшись.

Он шёл небыстро, но упрямо,
Так все решившие идут,
Что не свернуть уж влево, вправо...
Им только напролом маршрут.

Чего хотел он, этот странник?
Пожить прекрасною судьбой
Или влюбиться, так, чтоб рано
И безрассудно стать собой?

И вот он шёл неспешно, прямо,
Пугая шустрых голубей,
Шёл вдаль, где огненно-багряный
Закат казался всё смелей.

Он не хотел ни скудных мыслей,
Ни чувств в приятной мгле тоски,
Лишь щёки впали да отвисли
От скуки ждать всю жизнь доски.

Внезапно мимо, будто мрамор,
Она, свернув из-за угла,
Сквозь мрак заката, дивный ангел,
К герою нашему пошла.

И тут, впервые в жизни пленной,
Вздохнул он: «Сопли не терплю».
Припавши на одно колено,
Промолвил: «Я до слёз люблю».

Конец у дивного этюда
Прекрасен в простоте своей.
Услышал он: «Иди отсюда!»
Но путь продолжил к красоте.

К подаренной первой строке

Читая вечности дневник,
Задав судьбе своей вопросы,
Кто я ей – мыслей, чувств родник?
Вдруг в суть Вселенной влез без спроса.

Какой же маленький ты, шарик!
Как же смешны людей потуги
Ввинтить в тебя побольше гаек
Да скрыть хоть что-то от супруги.

Смешны и страны, и пространства,
Убоги мелочность и боль,
Противны даже хулиганства,
Что скуку скрыть хотят порой.

Ты, Вечность, разрешаешь много,
Свободу духа дашь ты вдруг,
Кому-то беса, мне – лишь
Бога Сулишь ты, замыкая круг,

Сжимая нас в одно кольцо,
Смеющихся не в жажде смерти,
А в радости, что я в лицо
Могу пролепетать лишь: «Верьте».

Верь в то, что ты и есть тот Космос,
Та мириада величин,
Что с полки знаний взять без спроса
Ты волен всё-всё, ты один!

Читая вечности дневник,
Ты неизбежно понимаешь:
Вот ты – и миллиард возник
Таких же, и их ты не знаешь.

Людей, букашек, дивных роз,
Всего живого, что немое,
Что селит Землю не всерьёз,
Ведь после смерти – всё чужое.

За что дерётесь, правдолюбы?
Поборники добра и зла,
Самосознания душегубы,
Ярлыки вешать мастера.

Как ты безжалостна, конечность
Стремлений наших и обид,
Вот весь дневник твой вышел, Вечность...
Он мне «живи» лишь говорит...

Годы

Я прячусь за самим собой,
Пустым, весёлым, чуть невеждой,
Мне горько: для судьбы иной
Мне нужно быть таким, как прежде.

Наивным и слегка шальным,
С улыбкой солнцу в снеге талом,
С простым желанием одним...
И взглядом хищным, хоть усталым.

Мне жажда, чтоб не по плечу
Все совершення казались,
Я доказать себе хочу,
Что слёзы чувств во мне остались.

Хочу я жить и не стареть,
Чтоб не ворчать ни в чьих объятьях,
Но, боже, мне и молодеть
Нельзя никак. Юнец – предатель.

Его поступки – крови прыть,
А чувства – как с куста малина:
Срывай! Не надо даже мыть...
Но чист ты лишь наполовину.

Ты – отражение себя,
Наивности своих стремлений,
Ты как гроза, но без дождя,
Лишь отблеск будущих умений.

Не молодей. И я не буду,
Пусть годы мудрость не несут,
Они творят иное чудо,
От пустоты они спасут.

Дадут бесстрастные вопросы
И снимут шляпу у души,
Что, распахнувшись, вновь попросит:
Живи, твори и не спеши!

И будут годы, словно птицы,
Свободой воли хороши,
Их цель – не старости добиться,
А счастье мерять за гроши.

Не удивляюсь, раз сам начал
С собой же этот разговор.
Пытаюсь – не могу иначе
Прервать в себе я этот спор.

Решиться – жить на всю катушку
Или, бывшее сохранив,
Пытаться мучить, как кукушку,
Себя вопросом: «Как ты, жив?!»

Нет уж, ребята, убегаю
От этой юной суеты,
Поверьте, я и так играю,
Ведь с жизнью я давно на «ты»...

Есениным. Близким и недалёким

Разрезая снежные вершины,
В объятых зелени долин,
Достав рукой морей глубины,
Стоял он, словно исполин.

Родных просторов чуя капли
Ещё не выросшей росы,
Все струны на душе помякли,
А чувства – словно сталь косы.

Его чарующей улыбкой
Тому, чему иной всплакнёт,
Он всех нас сделал по ошибке,
Он не гадал, как сильно жнёт.

Его печаль – начало лиха,
Когда вокруг ещё темно,
Когда в твоей душе так тихо,
В его – бушует огонёк.

Своей любовью жёг он душу
И жёг не свой – чужой талант,
Ни на секунду не разрушив
Баланс творенья, как атлант.

Мы все его немного дети,
Все верим, что чуть-чуть ещё,
И миру так же мы ответим,
А не проямлим из-за щёк.

И в том его вина и слава,
Бесценность русской красоты.
Для всех оставил нас забаву,
Случайно взяв себе мечты...

Мир под треску и кильку

Кто я? Какой судьбы насмешник?
Борюсь со сном иль верю я в себя?
Кто я? Строки бездарной пересмешник?
Или, быть может, в чём-то и судья?

Какая моя доля в мире песен?
Каким себе себя я представлял?
Я скучен или, право, очень весел?
Кто мне враги, а кто – мои друзья?

Как мне услышать благодарность неба,
Чтобы понять ответы пустяков?
Я ни молитвой, ни проклятьем не был
Ниспослан для ответов или слов.

Как поискать себя в своём же мире?
Каких ещё придумают оков,
Порвав которые, себе скажу – пошире
Шагай. Ведь в этом мире нет бросков.

Ты можешь только чуткою походкой
За собственными чувствами идти,
Ни женщина и ни Господь находкой
Тебе не станут на несдержанном пути!

Ты к славе можешь хоть прыжком, хоть рысью
Стремиться под влияньем простоты,
Сей пьедестал жесток, и, кроме «Брысь-ка!»,
Боюсь, что ничего там не услышишь ты.

Зачем все эти глупые вопросы?
Зачем я потерялся в странной пустоте?
Друг мой, ну не лукавь, ну брось ты!
Нельзя же жить в полнейшей простоте!

Мне ликований на мой век хватало,
И жизни мёд, и женщин пелена.
Пишу. Хотя, конечно, этого и мало,
Живу и чувствую, и жизнь эта – одна...

Чего я понял. Глупые восторги,
Что вызывают радость у толпы,
Не служат смыслом, их давно отторгли
Все струны, те, с которыми на «ты».

Стыд восторженья фактами рассветов
Или закатов, кто кому виной,
Не дал мне не ответов, не советов,
Их не даёт и ночь передо мной...

Сказать – зануда безнадежный, —
Не ваша это, к счастью, судия,
Меня не зная будущим и прежним,
Не справитесь с диагнозом, друзья.

Что всё же перестало в этом мире
Взывать во мне и горе, и тоску, —
Так это точно «поступью пошире»!
Пойдём под коньячок съедим треску.

Мне перестали быть понятны ночи,
Что шумом тянут деда и отца,
Я понимаю, что малец захочет
Узнать манящий пьяный лик лица.

Но ведь мы рады, вот и изумленье!
Пусть распинался выше в чём-то я,
Души мы рады чувству очищенья
Под кильку от вопросов бытия...

Наверно, мне обидно или стыдно,
Или понять меня откажутся друзья,
Мне грустно, жалко и обидно,
Что Бога мир под кильку понял я.

[1]

X

Страхи – это комплексы слабых. Комплексы – это фобии сильных. Фобии – это страхи перед комплексами.

X

Не торопитесь жить. Пожалейте смерть!

X

Не зная, что такое ревность и зависть, сложно не увлекаться женщинами и не жить на широкую ногу.

X

Голодным должен быть поэт. Писатель – сытым. Ему ещё работать.

X

Нет ничего проще, чем улыбнуться ребёнку. И ничего отвратительнее людей, которые видят в этом нарушение закона.

X

Свобода – это умение совладать с собой.

X

Нельзя простить себе то, что не простил другому.

X

Мне никогда не приходилось побороть зависимости. Потому что они всегда побеждали первыми.

Родные мои

Я слышу ваши голоса,
Родные мне до боли люди.
Но вашей жизни полоса
Мне милой никогда не будет.

Вы справились уже со мной,
Мне мир не мил, противны грозы,
Быть может, бабушка порой
И мама видят мои слёзы.

Вы стали для меня обузой,
Не женщин – полуведьм толпа,
Кто знал, что будет столь кургузой,
Жестоккой ваша тьма, глупа?

Увидит Бог – а он увидит,
Как мне неловко было в час,
Тот час, что понимал – обидят,
Но понимал – всё ради вас...

У Бога тёплые объятья,
Ему важна моя душа,
А Дьявол греется в проклятьях,
Но как же в них ты хороша!

Вы не почтите за повинность
Мои седеющие чувства,
Седых две нити – не провинность,
Ужасно, когда в чувствах – пусто.

Исповедь клоуна

Не докричусь я никогда
До собственной своей молитвы,
И моих мыслей череда
Для чувств всегда будет закрытой...

Не допрошусь я перемен,
Хоть умоляю о них Бога,
Мне суждено рыдать взамен,
Сбежав от своего порога.

Не получу я тех страстей,
Которых ждал и не стеснялся.
А вот души моей цепей —
Кругом по ним хоть обгуляйся!

Не вымолю и той тоски,
Что всем нам дарит облегченье,
Я обречённый до доски
Дарить лишь смех да наважденье.

И всё же что-то в этом мире
Меня встречало, и не раз,
Людей прекраснее обилье
Да женщин, что хотел подчас...

[2]

Х

Проще и полезнее для себя быть серьёзным и занудным. Лёгкость и радость убивают их обладателя.

Х

Предательство – это самолюбие.

Х

Расставание легко перенести, если тщательно объяснить себе его причины. Или если ты просто сволочь.

Х

Любить надо не сопливых романтичных женщин, а тех, кто, пойдя на три буквы, вернулся, чтобы объяснить, что там было круто.

Х

Есть женщины, это не зависит от их возраста, которым не следует фотографироваться.

Мол, жива, счастлива, и всё. Сообщила, и это информационно много полезнее и приятнее, чем фото.

Х

Тошно, когда все всё понимают и от беспомощности этому всему ещё и подыгрывают.

Х

Быть счастливым в браке – значит не зависеть от второй половины ни эмоционально, ни финансово.

Х

Мир – глуп и жесток. Поскольку таковым являешься ты сам.

Х

Откуда взялся этот страх? Разве что от коллективного образа жизни, где каждый успел в чём-то напакостить?

Х

Счастье – это когда есть кто-то, кому на тебя не наплевать. Абсолютное счастье – отсутствие такого человека.

Х

В России здоровье нужно лишь затем, чтобы не попадать к врачам, при этом с наслаждением посещая многочисленные аптеки.

Х

Апатия, в отличие от депрессии, даёт возможность совершать хорошие поступки.

Х

Пока можно смеяться над всем без исключения, демократия всесильна.

За что я дал так много боли?

Я счастьем, милая, плачú
За дерзость и за тишину,
Кому нужно: «Озолочу», —
Когда мы будто бы в плену?

За что тебе так много боли?
Что за безумные проклятья?
Ты мне обязана чем, что ли?
Раз прежней силы нет в объятьях...

Живёшь ты словно в пелене,
А с женской долей будто спелась,
Иной раз думаю: во сне,
В ужасной дрёме заблудилась...

Зачем нам дьявольские силы,
Что горы могут уничтожить?
Зачем?.. Раз так и не простила
Всё то, чем смог тебя тревожить?

Какими сильными мы были,
Когда себе казались слабы...
И почему-то не простили
Той слабости путей ухабы.

Чем искупить мне искушенья?
Кем стать, чем снять свои проклятья?
Боюсь я этих отрешений,
Что не пришлось бы вспоминать мне...

Маме

Так долго думал написать
Непредугаданные строки,
Поверь, мне много что сказать
Есть в благодарность за уроки.

Я жил мальчишкой, пацаном,
Мне юность верой голосила.
Любовь к тебе? Не всё равно,
Чему учила, что просила.

Ты мать. И – мама, это важно,
Я был тебе соплёй, и сыном,
И, кажется, вполне отважным:
Мой путь не стал неисправимым.

Мне много чудится и снится
Среди безжизненного зноя,
Что, кажется, всё будет длиться,
Пока судьба не даст иного.

Иного счастья и заботы,
Иных, совсем других потерь,
Другой работы, не болота,
Других, как камертон, друзей.

Мне приходилось часто думать
О твоих мыслях и мечтах,
О том, что есть свеча, и дунуть
В неё не позволяет страх.

Пуškai горит она, сверкая,
Срывая паутинку слёз,
Что я, подчас не понимая,
С твоей душой в себе унёс.

Пуškai свеча – это надежда,
И пусть в ней воска не на век,
Хотя бы то, что я – невежда,
Гласит, что всё же – человек.

Твои столь милые объятья
(Их сторонятся чудаки)
Столь чаще нужно вспоминать мне,
Чтоб не погибнуть от тоски.

Мне жить с тобою довелось

Мне жить с тобою довелось
Так много лет... Чтоб не стараться
И чтоб считать их не пришлось,
Мне нужно много улыбаться.

Улыбкой радости смотреть
На нежные твои страдания,
Улыбкой счастья снова млеть
От страсти вечной пониманья.

Мне жить с тобою довелось,
А жизнь – недолгое проклятье,
Мне льстит, что нам с тобой нашлось
В ней всё... И свадебное платье.

Я с наслаждением ловлю
Нечастые судьбы минуты,
Когда люблю я, словно сплю,
А воли сталь тобой согнута.

Мне жить с тобою довелось,
Приняв все доблести печали,
Где места мне вдруг не нашлось
И оскорбления прозвучали.

Но здесь же, рядом была ты
И наше адское сомненье
В том, что неправильны мечты,
Что нам Земля не даст спасенья.

Мне жить с тобою довелось,
Любя, желая, презирая,
Знать, что почти меня насквозь
Ты видишь. Что я погибаю...

Взамен ты столько сил дала,
Чтоб сталь, согнувшись, не сломалась,
И, справившись, не поняла,
Как много чувств во мне осталось.

Мне жить с тобою довелось
Не ради детских обещаний,
Не для того, чтоб сопли врозь
Мои же слабости прощали.

Всё проще, милая моя,
Всё выше клятв и объяснений,
И раз несёт меня земля,
Ты, знаю, дашь ещё прощений.

О Балде

Такое может быть лишь в сказке —
Когда волшебниц сразу две.
У этой сказки нет развязки,
Вся суть в работнике-Балде.

Он от рожденья, от утробы
Мечтал о простенькой судьбе,
В которой вовсе не от гроба,
От страсти предан он себе.

В которой сны его волшебны,
А он улыбчив, очень мил,
В которой мысли – суеверны,
Ведь он добра для всех просил.

Он рос, сомненья приставали,
Не тот он, да и всё не так,
Бывало, им одолевали
Желанья. Тоже мне пустяк...

Но жизнь проста – девичьим счастьем
Ей управляться суждено,
А это было в его власти:
Балда-работник, вот оно!

Но тут сошлись, как две микстуры,
В рабочем графике Балды
Волшебниц дивные фигуры.
Их две! А он – Балда, увы...

Ему бы сказке рассмеяться,
Не мешкая, прямо в лицо,
Но он привык себя бояться,
Не смог он даже стать отцом.

И на хорошем человеке,
На труженике от сохи
Теперь навис уже навеки
Злой рок. Наверно, за грехи.

Он дерзок стал к очарованью,
Ревнив к себе по пустякам,
А к молодым-то дарованиям
Совсем остыл. Но вот пока...

Балда-работник разберётся,
Что в нём противно, что – смешно,
Волшебниц уж не остаётся...
Тут сказка. Он и стал овном.

[3]

X

Женщины делятся на три категории. Выносимые. Невыносимые. И мамы.

X

Плохо – это когда заслужил удовольствие, но успел воспитать в себе этические соображения.

X

Красота измеряется в улыбках.

X

Страх – всего лишь ранняя стадия отчаяния.

X

Отсутствие комсомола в стране сильно сказывается на популяции молодых лоботрясов.

X

Минимализм в быту – это умение достать из хлама ту вещь, которая именно в эту секунду приносит тебе удовольствие.

X

Секс спасёт мир. Не красота.

X

Чем дешевле на ощупь становятся клавиши на американских ноутбуках, тем больше беспокоишься о Третьей мировой.

X

Смысл брака состоит в том, чтобы как можно быстрее добиться наплевательского отношения второй половинки.

X

Вредные привычки: не курить, когда хочется, не пить, когда нужно, не принимать решений, когда всё очевидно.

Тебе

Понять способна только ты
И взбалмошное моё прошлое,
Когда я был от красоты,
Всего на день тобой был брошенным.

Наивно думать – поменялся,
Я глуп, но это ведь смешно,
Пусть кем-то и очаровался,
Пускай! «Сходить в кино» грешно?

Я помню это, помнишь ты?
Как мы, обнявшись в ожиданье
Разлуки, терпели те мосты,
Что день давали на прощанье.

Я помню это, помнишь ты?
Как, побоясь соприкоснуться,
Нас задние везли мосты
Той «Лады», где не развернуться.

Так вот. Доказывать любовь
Из года в год довольно сложно.
Хотя за годы твоя кровь
Моей уж стала. Так возможно.

Мне хоть бы каплю доброты
На милые мои свершенья.
Так глупо: тут и я, и ты,
Ещё кого-то убежденья...

Не знаю, кто посмел украсть
Твои черты, что предо мною,
Боюсь, тебе лишь это всласть:
Себя терзать совсем иною.

Молю: не верь чужим проклятьям,
Не думай, что есть мера – время.
Родная, как не вспоминать мне,
Что я теперь – твоё лишь бремя....

Частичка

Уж рифмы кажутся не теми,
Не те и мысли, и враги,
Ты в царстве ленной полутени
Меня от жизни береги.

Былые нервные проклятья,
Былой частичкою себя,
Возможно, буду посылать я,
Твое сознание теребя.

Но зыбок и печален образ
Моих уставших величин,
Твоей душе не нужен он враз
Злой рок того, кто стал один.

И всё, что душу согревает, —
Оттенки сгорбленной мечты,
Частичкой лика убивая
Всё, в чём прекрасна была ты.

Виной казались мне сомненья,
Их пустоте теперь кормлю
Своей. Создав в себе уменье,
Тебя частичкой узнаю.

Животная страсть

Как сильно я могу любить!
И не умею ненавидеть...
Люблю: ведь обожаю жить,
Но жизнью я могу обидеть.

Я чувствую крылатой птицей,
А дикой рысью размышляю.
Верблюдом я могу напиться,
Жирафом часто понимаю.

Решенья коброй мне даются,
А действия – гиппопотамом,
И черепахою открыться
Душой могу. Или бараном...

Да, сильно я могу любить!
Слоном могу в посудной лавке,
Как тут ещё мне не забыть,
Что жужжу осой-булавкой!

Как ни стремлюсь к пути земному,
Не в силах снизить я полёт,
Хотел бы, может, по-другому,
Но за штурвалом – кашалот.

И вот летит безумной птицей
Моих страстей ночной корабль.
Мне ненавидеть? Не разбиться б
Об кашалотов дирижабль!

Как сильно я хочу любить!
Я безразличье презираю,
Осталось – тьфу: грехи простить
И встретить фразу: «Понимаю...»

Слегка седая уже доля,
Полёты не даются даром,
Судьба: я трачу свою волю,
Чтоб подавить в душе пожары.

Видение

Напрасным кажется рассвет,
Мне сердцем хочется заката,
Когда тебя сырой портрет
Мне отдаётся, словно плата.

И милые твои черты
Волшебной кистью серебрятся,
А все наивные мечты
В покое сна уж растворятся.

И в этой дрёме, улыбаясь,
Имею счастье не спешить,
Не суетясь и не стараясь,
Я не тружусь тебя забыть.

Приходит утро понарошку,
Подзадержался солнца луч,
Я подхожу, шепча, к окошку:
Вдруг улыбнёшься из-за туч?

Пускай и сердце замирает,
И инеем горит душа,
А мозг в игру со мной играет,
Сквозь сон твердя: «Как хороша!»

Мне обмануться так приятно!
У грёз – обилие одежд,
Ты в них одета так опрятно
Молитвами моих надежд...

Предисловие

Пустыми кажутся дома,
А окна просто безделушки.
Я в них смотрю. В них ты сама
Себе покажешься игрушкой.

Я верю – не хватило капли
До твоего иного счастья.
И я бессилён – ноги цапли, —
Смешно ведь. Или грустно... Вряд ли.

Я не хочу похоронить
То, что надеждой показалось,
Скажи, как это сохранить?
Как сделать так, чтоб страсть осталась?

Я и себя не уберёг
От скучных муторных рассветов.
Я и тебе сказать не смог,
Насколько важно мне всё это.

Прости за тленность очага,
За неразумные проклятья,
Твои «неважно», как блага,
Годами буду вспоминать я.

Ты извини за разговор,
Что показался вдруг наивным,
Прости, но это сущий вздор!
И это мне сейчас противно.

Ты отпусти свои сомненья,
Жизнь тут одна, не обмануть,
Годами теша убежденья,
Испорти себе счастья путь...

[4]

X

Победа над собой нужнее победы над врагом. В этом случае вы побеждаете при любом раскладе.

X

Есть несчастные женщины, чья искренность неспособна защитить даже их честь.

X

Достаток – словно молодое вино. Пьянит, но не насыщает.

X

Там, где вы спокойны, – ваш дом. Где счастливы – ваша любовь. Где встревожены – ваше будущее.

X

Красота спасёт мир. А Россию – эра милосердия.

X

Создать себе проблему нашему человеку гораздо легче в Европе. А решить – в России.

X

Комедия – сложнейшее драматургическое произведение. Трагедия – всего лишь фарс. Потому что в реальной жизни комедий так мало...

X

Поинтересуйтесь у женщины, в чём её счастье, – и вы его тоже обретёте. Поинтересуйтесь, в чём её горе, – и вы несчастны на всю жизнь.

X

Тунеядец отличается от бездельника тем, что пропивает чужие деньги.

X

Любить Родину сразу – опасно. Сначала её нужно научиться уважать. Потом сделать для неё что-то хорошее. Потом – сказать комплимент. Потом сделать предложение руки и сердца. А уж дальше, как и у любого мужчины, судьба патриота непредсказуема.

X

В женщине прекрасны эмоции. И ещё в ней прекрасны сильные эмоции.

X

За отсутствием свойства любить себя нашёл колоссально много сил на безразличие к окружающим. Вызвав этим к себе и любовь, и уважение с их стороны.

X

Думается лучше всего в четырёх местах. Под осенним дождём, летним солнцем, весенней каплей. И в теплоте уютного зимнего туалета.

Мы говорим о любви с тобой

Мы говорим о любви с тобой,
Не о прощенье, не о воле,
В одну мы сеть с такой судьбой
Попались, в этом наша доля.

Любовь слепа, ей тычешь в глаз,
Она предательски смеётся,
Она глупа, ведь без прикрас
От чувств наивность остаётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.